

Полин де ля Виллежегю

Вечность в повседневности

Правила христианской жизни
из опыта общины
отца Алексея Мечева

Полин де ля Виллежегю

Вечность в повседневности.

**Правила христианской
жизни из опыта общины
отца Алексея Мечева**

«Никея»

2018

УДК 24.242
ББК 86.372

де ля Виллежегю П.

Вечность в повседневности. Правила христианской жизни из опыта общины отца Алексея Мечева / П. де ля Виллежегю — «Никея», 2018

ISBN 978-5-907202-44-3

Святого праведного Алексея Мечева называют старцем в миру. Он хранил верность евангельскому призыву жить среди людей подобно закваске в тесте и подчеркивал особую ценность духовного пути мирян. Отец Алексей учил, что призвание к ежедневному служению друг другу в профессии и в семье ничуть не уступает по своей значимости пути монашескому. Исследователь истории русской Церкви Полин де ля Виллежегю рассказывает об основанной им знаменитой маросейской общине, ее устройстве, правилах жизни и особой благодатной атмосфере.

УДК 24.242
ББК 86.372

ISBN 978-5-907202-44-3

© де ля Виллежегю П., 2018
© Никея, 2018

Содержание

Слово к читателю	6
Введение	7
Часть I	10
Глава 1	11
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Полин де ля Виллежею

Вечность в повседневности. Правила христианской жизни из опыта общины отца Алексея Мечева

«Вера утверждается не доказательствами, а испытаниями».
Отец Алексей Мечев

Розе, духовным детям отца Алексея Мечева, великому множеству тех, чьи имена нам неизвестны и кто находил утешение и ободрение у отца Алексея Мечева

С радостью выражаю свою благодарность Тьерри де ля Виллежею и Жаклин де Пруайяр за поддержку, помощь и терпение

© ООО ТД «Никея», 2020

Слово к читателю

Митрополит Волоколамский Иларион (Алфеев)

В 2000 году Архиерейский собор Русской Православной церкви причислил к лику святых сонм новомучеников и исповедников Российских, тем самым подведя итог трагическому и славному пути, которым наша Церковь прошла через десятилетия гонений и притеснений со стороны богоборческого государства.

Борьба с религией и Церковью была частью идейной программы партии большевиков, насильственно захвативших власть в 1917 году. Во главе государства оказались прямые наследники описанных Ф. М. Достоевским русских «бесов» – нигилистов и атеистов, отрицателей всех нравственных норм, провозгласивших примат «пролетарской нравственности», в основе которой лежала польза для дела революции. Конечно, Церкви с ее проповедью данных Богом норм человеческого общежития не было места в новом обществе.

Жестокие гонения на Церковь, аресты и убийства священнослужителей начались сразу же после октябрьского переворота. Протоиерей Иоанн Кочуров, убитый 31 октября 1917 года, открыл трагический список пострадавших за веру священнослужителей, монашествующих и мирян, вся вина которых заключалась в верности Христу, в стремлении следовать за Ним «даже до смерти».

Среди подвижников веры был и протоиерей Алексей Мечев (1859–1923), «старец в миру», как его называли современники. Подобно святому праведному отцу Иоанну Кронштадтскому, отец Алексей жизнью и служением, которое проходило в Москве, воплотил идеал молитвенника и доброго пастыря.

Его жизнь, труды и подвиги описывает французский филолог-русист Полин де ля Виллежею, книгу которой сейчас держит в руках читатель.

Автор приоткрывает современникам совершенно особый и неповторимый мир церковной жизни в советской России начала двадцатых годов прошлого века. Русская Церковь, терпевшая карательными органами победившей революции, претерпевала и внутренние нестроения. Раскольники, заручившись поддержкой властей, хотели свергнуть законную иерархию во главе с патриархом Тихоном, дабы самим захватить первенство в Церкви.

В этих условиях верные патриарху священники и миряне стали искать такие формы самоорганизации, которые позволили бы им выстоять и сохранить живой церковную жизнь, средоточием которой им виделись не новые «демократические» формы церковной организации, порожденные революционными веяниями, а Божественная литургия.

Одной из таких общин и стал московский приход храма Святителя Николая на Маросейке, во главе которого, вплоть до своей праведной кончины, стоял протоиерей Алексей Мечев.

Из книги видно, как милость и прощение, открытость и доверчивость отца Алексея стали надежным основанием общины. Пример его жизни показывает, что красота и убедительность христианства – в бесстрашии и кротости, побеждающей зло мира.

Ценность книги Полин де ля Виллежею для русского читателя определяется еще и тем, что это взгляд со стороны. Глубоко укорененная в западной христианской традиции, она с большим уважением и искренним интересом обращается к изучению русского Православия.

В сегодняшнем мире, исполненном страданий и разделений, ценен каждый шаг к миру и единству. Эта книга свидетельствует о том, как московский старец, живший сто лет назад, оказался любимым учителем для человека другого времени и другой страны. Так молитвами святых мало-помалу, через скромные и простые личные шаги являет себя миру духовное единство христиан.

Введение

*Полин отошла к Отцу 12 мая 2003, не завершив эту работу.
Вечная память!*

Жаклин де Пруайяр, Тьерри де ля Виллежею, дети

«У меня было одно светлое впечатление от Православной церкви перед самой моей высылкой из советской России. Это моя встреча с отцом Алексеем Мечевым. Он был из белого духовенства, но почитался старцем. <...> От него исходила необыкновенная благодность. Я в нем не заметил никаких отрицательных бытовых черт духовного сословия. <...> Он, между прочим, говорил, что не следует рассчитывать ни на какие интервенции и военные насилия для свержения большевизма, а исключительно на духовный переворот внутри русского народа»¹.

Это высказывание русского мыслителя Николая Бердяева пробудило в нас живое желание изучить свидетельства того времени, чтобы познакомиться с отцом Алексеем Мечевым, старцем в миру, оставившим глубокую память о себе в душах многих людей.

Эта книга посвящена служителю Христову, продолжившему русскую духовную традицию в трудные времена революций. Ее цель – прояснить свойства того особого типа духовности, который был явлен отцом Алексеем Мечевым, старцем, жившим в сердце Москвы, приблизиться к пониманию того, как этот человек способствовал духовному преображению множества людей, устремлявшихся в его приход, как он помогал им открыть для себя личность вочеловечившегося Господа, какое правило жизни предлагал самым ревностным из своих прихожан, в чем заключался феномен маросейской общины.

Наш интерес к отцу Алексею Мечеву вызван и еще одним довольно важным, с нашей точки зрения, обстоятельством. Православная церковь канонизировала старцев, мыслителей, богословов, мучеников и исповедников веры. Существует множество работ, посвященных монашеской жизни и расцвету монастырей.

При этом мы плохо осведомлены о жизни приходских священников в России (за исключением св. Иоанна Кронштадтского), в частности в Москве. Действительно, приходские церкви в 1920–1930 годах были закрыты или разрушены, их настоятели арестованы, заключены в тюрьму, сосланы или расстреляны. Документов почти не осталось, сохранились только некоторые устные и письменные свидетельства верных прихожан. Хотя таких источников немного, мы убеждены в том, что необходимо сохранить память о столь прекрасной жизни отца Алексея Мечева, простого приходского священника, святость которого скоро будет официально признана Православной церковью² и который при этом остается неизвестен христианам как на Западе, так и в России.

Отец Алексей любил называть себя «неграмотным». Поэтому мы не будем подробно рассматривать интеллектуальные аспекты его учения и видимую сторону его апостольского служения. Мы сосредоточимся на главных особенностях его духовного склада и постараемся найти ответ на вопрос: как отцу Алексею Мечеву удалось научить своих духовных детей свидетельствовать жизнью о Любви Божией в те трудные времена, когда им приходилось скрывать свою веру.

Прежде чем мы приступим к повествованию, следует предупредить читателя об определенных рамках нашей работы, ни в коем случае не претендующей на полное описание и исчерпывающий анализ личности отца Алексея Мечева.

---

¹ Бердяев Н. А. Самопознание: Опыт философской автобиографии. М.: Международные отношения, 1990. С. 204.

² Святой праведный Алексий Мечев причислен к лику святых 20 августа 2000 года. Книга была написана в конце 1990-х годов. – *Прим. пер.*

Первое ограничение – хронология. Мы выбрали отправной точкой 1859 год – год рождения отца Алексея, конечной – 1923 год. Можно было бы довести рассказ и до закрытия церкви Святителя Николая в Кленниках, где служил отец Алексей (1932 год), но выбор первой даты представляется нам более верным. 1923 год – поворотный момент в жизни прихода, когда для духовных детей отца Алексея настало время внутреннего преобразования. Многие признаки это подтверждают. Именно тогда советская власть начала усиленно интересоваться деятельностью отца Алексея Мечева. В январе его вызвали в ГПУ (секретную полицию того времени) и потребовали объяснить, почему в его церковь каждый день приходит так много людей. В июне того года отец Алексей умер. Через восемь дней после этого его сын и преемник отец Сергей был арестован и заключен в тюрьму.

Второе ограничение связано с тем, что в настоящее время в распоряжении исследователей личности и трудов отца Алексея Мечева мало документов. Большая часть источников – сохранившиеся свидетельства его духовных детей. На сегодняшний день труды отца Алексея еще не собраны в отдельное издание. То немногое, чем мы располагаем, находится в сборниках, вышедших примерно за последние тридцать лет. Получив рукопись, которая тайно была переправлена на Запад, в 1969 году Никита Струве смог опубликовать в Париже сборник воспоминаний об отце Алексее, включив туда также около сорока писем к близким и несколько проповедей³. Российские читатели смогли наконец познакомиться с более-менее полным изданием, посвященным отцу Алексею, лишь в 1997 году⁴. В книгу вошло правило жизни, данное духовным детям, около тридцати проповедей отца Алексея и значительные фрагменты воспоминаний о нем.

Наша работа состоит из четырех частей. Первая посвящена описанию исторического контекста, в котором проходило служение отца Алексея Мечева. Мы кратко рассказываем о духовном движении старчества от его возникновения до кануна русской революции 1917 года. Нам хотелось показать, что призвание отца Алексея не является абсолютно новым явлением. Напротив, оно укоренено в долгой традиции старчества, которую оно завершает и актуализирует. Мы рассматриваем также вопросы, обычно не привлекающие большого внимания исследователей русской религиозной истории, но важные для понимания нашей темы, а именно религиозный поиск мирян и полемику вокруг монашеской миссии.

Вторая часть рассказывает об отце Алексее Мечеве. Она строится на свидетельствах его духовных детей, поэтому в тексте много цитат, отобранных в результате долгой и тщательной работы. Мы напомним факты и истории, позволяющие яснее увидеть типичные черты как духовных наставников отца Алексея, так и его собственного старческого призвания.

В третьей и четвертой частях речь идет об общине, основанной отцом Алексеем Мечевым, и о правиле жизни, которое он предлагал ее членам. В беседах со священником Георгием Чистяковым, который в своем служении во многом вдохновляется примером отца Алексея, мы выяснили одно важное обстоятельство. Как зарубежных, так и русских церковных историков ждут большие трудности при изучении маросейской общины, поскольку ее призвание состояло в том, чтобы вести жизнь скрытую, а вскоре и вовсе обреченную на уход в подполье. По мнению отца Георгия, научное описание этой общины, ее практики и правил жизни невозможно. Чтобы вполне понять Маросейку, нужно принадлежать к ней. Пусть читатель простит нас: глубокое восхищение отцом Алексеем и его трудами пересилило исследовательскую робость и толкнуло нас на осуществление дерзкого замысла написать о его общине.

Документы, использованные нами в этой работе, представляют собой в основном жизненные свидетельства, переписку отца Алексея Мечева с духовными детьми и проповеди, написанные им самим. По большей части это машинописные или рукописные материалы, часто – лич-

---

³ Отец Алексей Мечев: Воспоминания, проповеди, письма. Р.: Умса-Press, 1969.

⁴ Пастырь добрый: Жизнь и труды московского протоиерея Алексея Мечева. М., 1997.

ные дневники. Многие из этих свидетельств анонимны, лишь некоторые подписаны, и краткие сведения об авторах представлены в приложении. Нам стало известно, что некоторые из этих материалов в советский период распространялись в самиздате. Такие источники образуют особый литературный и исторический жанр, имеющий свои законы: настойчивое повторение сведений подчеркивает их смысл, красочный живой стиль привлекает внимание читателя, однако частые содержательные лакуны не позволяют удовлетворить жажду знаний исследователя.

Несмотря на эти ограничения и возможные неточности, изучение свидетельств остается единственно верным путем к тому, чтобы увидеть христианскую жизнь духовных детей отца Алексея изнутри. Поначалу мы собирали эти свидетельства с одной целью: понять, каким был отец Алексей. Затем по мере освоения материала мы обратили внимание на некоторые общие черты духовного облика самих рассказчиков: во-первых, можно было констатировать их включенность в интенсивную приходскую жизнь, причем в текстах регулярно возникал термин «община»; во-вторых, все более определенно стали вырисовываться правила жизни, которые должны были способствовать духовному обновлению этих верных прихожан. После нескольких месяцев работы обнаружилась внутренняя логика собранных свидетельств, что и сделало возможным построить рассказ о маросейской общине.

В заключении мы поговорим о значении духовного наследия отца Алексея и маросейской общины для жизни Церкви в наши дни.

Часть I

Духовное движение старцев

Существеннее всяких книг и всякого мышления найти святого православного старца, который мог бы быть твоим руководителем, которому ты мог бы сообщать каждую мысль свою... Такие старцы, благодаря Богу, есть еще в России.

Иван Киреевский

Неподготовленному читателю служение отца Алексея Мечева может показаться неким новшеством в жизни России конца XIX – начала XX века. На самом деле оно было живым продолжением традиции, восходящей к отцам пустыни. Смысл призвания отца Алексея раскрывается именно через его принадлежность к древнему и удивительному духовному движению старцев. Поэтому прежде всего мы обратимся к истокам этого движения, после чего перейдем к тем специфическим чертам, которые оно приобрело в русской православной традиции, а затем расскажем об обновлении старчества в России в конце XVIII века и рассмотрим его на фоне событий политической и религиозной жизни того времени. В завершение главы мы рассмотрим влияние старцев на русское общество и развернувшуюся накануне революции полемику о миссии монашества.

Глава 1

Старцы и старчество

Истоки

Каждого, кто даже бегло знакомится с духовностью восточной Церкви, неминуемо поражает ее глубокая укорененность как в Евангелии Христовом, так и в аскетической традиции пустыни. Появившееся в конце III века монашество вскоре стало основной составляющей восточного христианства. Протоиерей Иоанн Мейендорф справедливо отметил, что «восточная Церковь признала в монахах своих настоящих учителей. Она приняла их Литургию, их духовность, их тип святости»⁵.

Именно в монашествующих, призванных в пустыню для встречи с Богом, ясно проявились некоторые важнейшие характеристики Православия.

В своей борьбе за внутреннее совершенство монах призван очистить душу аскезой, опираясь на особые методы непрестанной молитвы. В IV веке в пустынях Сирии, Палестины, Египта подвизались первые исихасты (по-гречески ἡσυχία – тишина, внутренний мир, созерцание). Их пример жил в веках, их учение непрерывно развивалось в восточном монашестве. Основанная ими традиция с новой силой расцвела в XIV веке на горе Афон, в учении святого Григория Паламы о благодати и об отношениях Бога и человека. В это же время получил широкое распространение возникший в монашеской среде особый путь умного делания – молитва Иисусова, практика, основанная на согласуемом с ритмом дыхания повторении обращения [SA1] «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, грешного» при собирании духовного внимания в сердце. Эта мистическая школа стала основой традиции восточного христианства, определив призвание к созерцанию. Чтобы продвигаться по этому пути совершенства, было необходимо руководство строгого и прозорливого наставника.

В жизни восточных христиан-пустынников в IV веке возникла фигура старца (славянский перевод греческого γέρων – старый), возраст которого определяли не года, но опыт пройденной им духовной брани, аскетической практики и молитвенной жизни. Каким бы ни был его чин – игумен, отшельник или простой монах, он признавался старцем, если в нем обитал евангельский дух. Тогда он начинал исполнять служение духовного отцовства по отношению к монахам и помогал им практиковать аскезу, учиться различать глубокие помыслы, жить в молитве и полном послушании.

Истоки духовного отцовства как воспитательной и апостольской деятельности находятся в Священном Писании. Так, апостол Павел сказал в послании к Коринфянам: *Ибо, хотя у вас тысячи наставников во Христе, но не много отцов; я родил вас во Христе Иисусе благовествованием. Посему умоляю вас: подражайте мне, как я Христу. Для сего я послал к вам Тимофея, моего возлюбленного и верного в Господе сына, который напомнит вам о путях моих во Христе...* (1 Кор. 4: 15–17).

---

⁵ Meyendorf J. St Grégoire Palamas et la Mystique orthodoxe. P.: Seuil, 1959. P. 17. (См.: Мейендорф И., прот. Святой Григорий Палама и православная мистика // Мейендорф И., прот. История Церкви и восточно-христианская мистика. М.: Институт ДИ-ДИК, ПСТБИ, 2000.)

Русский старец

В русской Церкви понимание старчества было таким же, как и в греческой, но в то же время призвание русского старца расширилось: практически всегда он был открыт миру. Он не только вводил в христианскую жизнь послушников своего монастыря, но и становился духовным отцом для приходящих к нему мирян. Так практика духовного отцовства, поначалу чисто монашеская, преобразовалась в служение множеству христиан, живущих в миру. «Эта функция характерна для специфически русского понимания роли старца»⁶, – отметила Элизабет Бер-Сижель⁷. Старец не был представителем власти или администрации, его не выбирали и не назначали – напротив, это был человек, получивший от Бога призвание осуществлять духовное руководство в Церкви и в миру. «Так рождается старчество – особый русский тип святости, который не был признан официально, но получил широкое распространение»⁸.

Прежде чем наставлять ближних, сам старец должен пройти серьезную духовную школу – это требование было сформулировано преподобным Паисием Величковским в XVIII веке. «Очень трудно вести кого-то по путям, которых ты сам не знаешь. Только человек, который выдержал долгую борьбу с самим собой, <...> исцелил свою душу смирением и молитвой, способен показать ученику все заповеди и добродетели Христовы»⁹, – говорил преподобный Паисий молодому молдавскому монаху.

Русские старцы не только стремились *отложить прежний образ жизни ветхого человека* (Еф. 4: 22), но и продумывали Евангелие, воспитывались на творениях Отцов Церкви. Это помогало им жить в полном единении с Богом, в молитвенном созерцании, непрестанно творя молитву Иисусову.

Старцы были живым воплощением духовного подвига¹⁰, совершаемого из любви к Богу. В исторических условиях России они сохраняли наследие раннехристианской Церкви. И говорили простым, по существу, евангельским языком, понимание которого не требовало никакой философской подготовки. Русские старцы взращивали в себе радость и свет, что делало их, как заметила Элизабет Бер-Сижель, «бесконечно близкими к христианам первой общины и духу Евангелия»¹¹.

Достигнув высокой степени совершенства, старцы готовы были отдавать себя другим, деятельно служить людям. Указывать путь, ведущий к Богу, помогать своим духовным детям жить в единстве с Богом – таково главное призвание старчества, которое выражалось в практике духовного отцовства (ее называют также «душепопечением»¹²).

---

⁶ Behr-Siegel E. Prière et Sainteté dans l'Eglise russe. P.: Cerf, 1950. P. 131.

⁷ Элизабет Бер-Сижель (1907–2005) – французский православный богослов. Ученица о. Сергия Булгакова, Г. П. Федотова, арх. Льва Жилле, П. Е. Евдокимова. Благодаря ее лекциям и печатным трудам многие западные люди познакомились с православной духовностью.

⁸ Ibid. P. 129.

⁹ Spidlik T. Les grands mystiques russes. P.: Nouvelle Cité, 1979. P. 177.

¹⁰ Согласно Русско-французскому словарю терминов, используемых в русской Церкви (*Dictionnaire russe-français des termes en usage dans l'Eglise russe de l'I.E.S. P.*, 1983), в русской духовности *подвиг* – это «акт героической аскезы, совершаемый человеком (монахом или мирянином) в борьбе против греха», а также «духовное продвижение» (p. 95).

¹¹ Behr-Siegel E. Op. cit. P. 131.

¹² Ibid. P. 106.

Русское старчество

Духовное отцовство в истории русской святости появилось не как дополнительная черта, но как главный элемент образа «святого монаха»¹³. Оно состояло, прежде всего, в создании близкой и очень личной связи, соединяющей старца, учителя веры, с ограниченным числом более молодых учеников. Почти всегда это были монахи, но иногда и миряне, получившие особое духовное призвание.

Отношения духовного отца и его чада характеризовались своего рода избранием друг друга, свободным взаимным выбором. Старец не назначался церковными властями: монахи и миряне сами узнавали того, кто способен был осуществлять духовное отцовство.

В повседневной жизни старчество выражалось в советах, поучениях, утешениях, которые старец давал своему чаду, регулируя его аскетические упражнения и возводя его на новые ступени созерцательной молитвы. Получая особый дар прозорливости, позволявший различать духовные состояния чада, старец открывал ему необходимое для его души и давал христианские наставления во всех житейских обстоятельствах. Старец вел к духовному подвигу. Согласно объяснению Пьера Паскаля¹⁴, «подвиг совершается, когда выбираешь самый трудный путь, когда хоть в какой-то мере побеждаешь самого себя. Подвиг – это христианский героизм, он начинается с внимательного исполнения самых простых обязанностей, продолжается в аскетизме, завершается в полном самопожертвовании»¹⁵.

Итак, русское старчество, восходящее к временам «миссионерской деятельности апостолов»¹⁶, в конце XVIII века вышло навстречу миру. Благодаря этому обновилась не только монастырская жизнь, но и духовная жизнь русского общества, пусть и частично. Это обновление принесло свои первые плоды в XIX веке.

---

¹³ Ibid. P. 129.

¹⁴ Пьер Паскаль (1890–1983) – французский филолог-славист. С 1916 по 1933 год жил в России. Автор научных трудов по русской истории и культуре, исследователь творчества протопопа Аввакума, Достоевского, переводчик, преподаватель русского языка и литературы.

¹⁵ Pascal P. La religion du peuple russe. Lausanne: L'Âge d'homme, 1973. P. 44.

¹⁶ Lossky V., Arseniev N. La Paternité spirituelle en Russie aux XVIIIème et au XIXème siècles. Abbaye de Bellefontaine, Bégrolles. Coll. „Spiritualité orientale“. № 21, 1977. P. 31.

Глава 2

Обновление старчества в России в XVIII веке

Прежде чем приступить к рассказу о русском старчестве XVIII века, мы должны дать читателю некоторое представление о религиозно-политической ситуации того времени.

Вера и религия в XVIII веке

Хорошо известно, что политические и социальные реформы Петра Великого повлекли за собой глубокие перемены нравов и менталитета русского общества. Одним из наиболее значительных преобразований стала церковная реформа. Согласно протоиерею Георгию Флоровскому, ее революционная новизна состояла «не в западничестве, но в секуляризации»¹⁷. С тех пор церковь стала простым колесиком государственной машины: «В Церкви привыкают видеть только эмпирическое учреждение, в котором организуется религиозная жизнь народа»¹⁸. На практике эта реформа состояла в отмене патриаршества, создании Священного синода и принятии составленного Стефаном Прокоповичем «Церковного регламента», который представлял собой не свод законов, а скорее «новую программу жизни»¹⁹, настоятельно предложенную духовенству. Последствия этих преобразований сказывались вплоть до русской революции 1917 года.

В то же время часть священноначалия, аристократия и интеллигенция постепенно впали в обольщение идеями западной культуры и философией Просвещения²⁰. В этих кругах распространилось рационалистическое представление о Боге как об абстрактном Первопринципе, определяющем логику Вселенной. Рядовое духовенство оставалось невежественным и было замкнуто на самом себе. В ту эпоху произошел настоящий разрыв образованных кругов с церковной традицией и народным благочестием.

Тем временем преследование старообрядцев углубляло церковный раскол. Для значительной части образованного общества христианство перестало быть религией сердца и сделалось совокупностью навязанных извне сведений, которые требуется уважать. Христос, воплотившийся и вочеловечившийся Бог, для многих превратился в сухую и далекую абстракцию. Тем не менее и в это трудное время были люди, которые испытывали духовную жажду.

Что касается простого народа, он держался в стороне от эволюции, переживаемой обществом на протяжении XVIII и XIX веков, сохранял приверженность вере отцов и практиковал двоеверие. Он идентифицировал официальную церковь с властью.

Даже монархии, которая всегда сильно влияла на всю церковную жизнь и считалась великим духовным воспитателем русского народа, грозил внутренний упадок. Мы не будем останавливаться на пагубных последствиях секуляризационной реформы, проведенной Екатериной II, поскольку это увело бы нас далеко от нашей темы. Отметим только, что отдаление от веры беспокоило духовных мыслителей XVIII и XIX веков. Многие из них считали, что приближаются большие бедствия.

---

¹⁷ Florovsky G. Les Voies de la Théologie russe. P.: DDB. P. 123. (См: Флоровский Г., *прот.* Пути русского богословия. Вильнюс, 1991.)

¹⁸ Ibid. P. 125.

¹⁹ Ibid. P. 126.

²⁰ Просвещение – философское направление, сформировавшееся во Франции в XVIII веке. Просветители верили во всемогущество человеческого разума, науки и образования, придерживались атеистических убеждений и критиковали религию и Церковь.

В XVIII веке святитель Тихон Задонский (1724–1783) отмечал упадок подлинного благочестия и распространение лицемерия в Церкви. Он предупреждал, что люди, безразличные к христианству, внутренне отойдут от него: «Должно опасаться, чтобы христианство, будучи жизнь, таинство и дух, не удалилось неприметным образом из того человеческого общества, которое не умеет хранить этот бесценный дар Божий»²¹.

В следующем столетии святитель Игнатий Брянчанинов (1807–1867) рисовал самую мрачную картину монастырской и общецерковной жизни. Он считал, что церковные круги поражены духовной болезнью и не способны ответить на духовную жажду общества: «Живем в трудное время! „Не стало праведного, ибо нет верных между сынами человеческими“ (Пс. 11: 2). Настал голод слова Божия! Христианство и монашество при последнем издыхании»²².

Рассматривая монастырскую жизнь как барометр духовного состояния народа, святитель Игнатий Брянчанинов свидетельствовал об угасании православной веры, падении монашества, страшной безнравственности и утверждал, что только Бог по Своей любви может вывести из этого прискорбного состояния: «Милость Божия да покрое нас!»²³

Возрождение монашества

Удивительным образом именно в середине XVIII века, который был столь трудным временем для русской Церкви, произошло настоящее возрождение исихазма под знаком старчества. Старчество издавна существовало в русских монастырях, о чем свидетельствует подвиг святых Феодосия Печерского (†1074), Сергия Радонежского (1314–1392), Нила Сорского (1433–1508) и других. Тем не менее русское старчество как школа, имеющая определенные правила, методы и традиции, построенные на аскетическом учении отцов пустыни, обязано своим происхождением великому старцу преподобному Паисию Величковскому (1722–1794).

Именно он первым принялся за огромную работу по переводу с греческого на славянский язык обширной религиозной литературы. Он перевел «Филокалию»²⁴ митрополита Макария Коринфского и Никодима Агиорита (Венеция, 1782) и издал ее под названием «Добротолюбие». Эта своего рода «антология»²⁵, посвященная Иисусовой (сердечной) молитве, стала духовной пищей русских монахов, старцев и мирян: «Откровенные рассказы странника» свидетельствуют о том, сколь распространен был такой тип молитвы среди христиан.

Обновление интереса к исихазму вызвало оживление монашеской духовности. В XIX веке появились великие старцы, самым известным из которых является святой Серафим Саровский.

Тогда по всей стране в обителях и скитах жило множество старцев. Один из монастырей, расположенный в трехстах километрах от Москвы, Оптина пустынь, стал «своего рода духовной школой» воспитания старцев, обителью, где «на первом месте стояли сердечная молитва и благодатное старчество»²⁶. Основанное на наследии Паисия, оптинское старчество поднялось на новую ступень развития, открываясь проблемам мысли, культуры, общественной и политической жизни России.

Нужно уточнить важный факт: старчество, утвержденное в традиции Паисия, никогда не было признано церковными властями и значительной частью белого духовенства. Тем не

---

²¹ Жизнеописание священномученика о. Сергия Мечева, составленное его духовными чадами // Надежда: Душеполезное чтение. Вып. 16. Базель; М., 1993. С. 186.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Филока́лия означает любовь к красоте.

²⁵ *Kologrivof I. Essai sur la sainteté en Russie*. Bruges: Beyaert, 1953. P. 392. (См.: *Кологривов И., иером.* Очерки по истории русской святости. Брюссель: Жизнь с Богом, 1961.)

²⁶ *Lossky V., Arseniev N.* Op. cit. P. 92.

менее, несмотря на эту оппозицию, деятельность старцев развивалась, их влияние на русское общество росло. Множество паломников, мирян и монахов, интеллектуалов и крестьян, мужчин и женщин всех возрастов, искали у старцев духовной помощи и поддержки, которой им не хватало в приходской жизни.

Сын отца Алексея Мечева, отец Сергей, очень точно описывал духовную жажду русских христиан: «Когда люди церкви и верующие были удалены от монастырской жизни, они тем не менее поняли, что именно там, в монастыре, где каждый день в покаянии служится Литургия, находится спасение для монаха и для мирянина. Именно в эти монастыри, где цвела духовная жизнь, устремлялись люди, жаждущие ее познать. Многие ехали в Оптину и Зосимову пустынь, в Глинки и еще во многие другие места. <...> Тем не менее существовала пропасть между миром и монастырем. Действительно, люди могли поехать туда только на несколько дней или даже часов, чтобы получить импульс для своей души, духовно зарядиться»²⁷

---

²⁷ Жизнеописание священномученика о. Сергия... С. 81.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.